

ПРАВООТНОШЕНИЕ – ПРАВО ИЛИ ФОРМА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ?

В.А. КУЧИНСКИЙ,
кандидат юридических наук,
профессор
кафедры теории и истории
государства и права
Академии МВД
Республики Беларусь

Противостояние представлений о том, относятся ли правоотношения к праву, регулирующему общественные отношения, или же они являются формой, результатом такого регулирования в правовой науке не прекращается. Если исходить из семантических представлений о термине «правоотношение», то возникает ощущение его противоречивости: в нем сочетаются два корневых слова – право и отношение, каждое из которых у отдельных исследователей вызывает к себе особое предпочтение. Но дело, естественно, не в семантических оценках и предпочтениях. Суть проблемы кроется в методологическом подходе к уяснению правового отношения как юридического феномена, причем в гносеологическом и онтологическом смысле. Только при достаточно обоснованном методологическом анализе возможно научное обоснование роли правоотношений в сложном механизме правового регулирования в современных условиях.

Юридическая наука всегда в той или иной мере обслуживала и обосновывала существующую или зарождающуюся политическую (государственную) власть. Естественно-правовая концепция права, в основе которой лежали представления о неотъемлемых (естественных) правах человека, способствовала революционной ломке феодальных общественных отношений. Когда же стало ясно, что капитализм на первой стадии своего развития никак не обеспечивает «естественные» и «неотъемлемые» права, буржуазная правовая наука от этой идеи отказалась как от «великого заблуждения умов». На смену нравственной концепции пришла нормативистско-позитивистская, которая под правом понимала издаваемые государством правовые нормы, никак не связанные с экономикой, политикой, нравственностью. Ни естественно-правовая, ни нормативистско-позитивистская концепции такой правовой категорией как правоотношения особо не интересовались.

На стыке XIX и XX столетий стали зарождаться правовые учения, отказывающиеся от абсолютизации трактовки права как совокупности правовых норм, отличающихся своей формализованностью и характеризующихся как «застывшее», даже «мертвое» право. Это обуславливалось, прежде всего, тем, что монополистическая буржуазия стала тяготиться ею же созданной законностью, в том числе конституционной, явившейся в свое время величайшим достижением правовой культуры.

Нормативные рамки сдерживали бурно развивавшиеся монополистические рыночные отношения, в связи с чем праворегулирующее значение стали приобретать фактически складывающиеся правовые отношения. Речь идет о так называемой социологической (прагматической) школе права, положившей начало его широкой трактовке. Под правом стали понимать не только (ни столько) правовые нормы, сколько все иные правовые явления – правосознание, правоприменительные акты, включая судебные решения, и в первую очередь реально складывающиеся правовые отношения, независимо от того, обусловлены они правовыми нормами или нет («живое право»). Тем самым признавалось, что правотворческую роль исполняют не только официально упол-

РЕЗЮМЕ

В статье дается анализ научных представлений о правовых отношениях. Отмечается, что правоотношение – это важнейшая форма реализации правовых норм, посредством которой осуществляется регулятивное воздействие права на общественные отношения.

номоченные на то законодательные органы, но и судьи, а также другие должностные лица, даже сами участники правоотношений. Таким образом, правоотношения приобрели приоритетное праворегулятивное значение. В то же время научная разработка сущности правоотношений, их содержания, формы и структуры должного развития не получила.

В связи с последним обстоятельством в советской правовой литературе высказывалось мнение, что в зарубежной юридической науке «понятие правоотношения либо не рассматривается, либо трактуется в ограниченном смысле, занимая второстепенное место в системе понятий». И более того, «понятие правоотношения не стало общим понятием права, как, например, понятие «закон», «договор», «преступление», «источники права» [1, с.20]. Профессор В.А. Туманов даже полагал, что буржуазная правовая идеология все более отказывается от анализа правоотношений, вследствие чего понятие правоотношения в западной юриспруденции «постепенно умирает» [2, с.259–263].

В полной мере с такими категорическими суждениями согласиться трудно. Даже если признать, что в странах англо-американской правовой семьи, где господствует прецедентное (общее) право и правоотношениям как и правоприменительным актам фактически придается праворегулятивное значение, теоретической разработке понятия правоотношения серьезное внимание не уделяется, то в странах континентальной Европы положение в этом отношении несколько иное. Там, где основным источником права признается нормативный правовой акт и возрастает значимость исследования механизма реализации правовых норм, все большее значение придается соответствующим правовым отношениям. Об этом со всей определенностью писал известный немецкий правовед Г. Радбрух в своей работе «Философия права», который рассматривал правоотношения как необходимое понятие правовой науки, хотя и считал его применимым лишь в теории позитивного права. Он подчеркивал, что «никакой правопорядок немыслим, если он не выражается в правоотношениях, в субъективных правах и обязанностях» [3, с.130]. Ученый не относил правоотношения к объективному (позитивному) праву, а видел в них важнейшую форму его реализации, превращения правовых норм в правопорядок.

В русской дореволюционной правовой литературе, представленной в основном произведениями Н.М. Коркунова, Ф.В. Тарановского, Г.Ф. Шершеневича, Л.И. Петражицкого, правоотношения (они назывались тогда «юридическими отношениями») рассматривались как субъективные права конкретных субъектов права, реализация которых обеспечивалась посредством притязаний к другим лицам. Так, Н.М. Коркунов в своей книге «Лекции по общей теории права» определял правоот-

ношение как бытовое отношение, регулируемое юридической нормой. Он и характеризовал юридический быт как совокупность юридических отношений. Следовательно, правоотношение рассматривалось им не как средство правового воздействия на общественные отношения, а как объект такого воздействия.

Ф.В. Тарановский, Г.Ф. Шершеневич и Л.И. Петражицкий также считали юридические отношения связями конкретных лиц, между которыми установлены взаимные притязания и обязанности, осуществление которых обеспечивается правовыми средствами. Структура юридического отношения, выдвигаемая ими, предполагала наличие таких основных элементов, как субъекты отношения, его объекты, взаимные права (притязания) и обязанности сторон. Таким образом, не праворегулятивная, а реализационная трактовка юридических отношений в представлениях названных правоведов было совершенно очевидной.

Принципиально иное понимание правовых отношений складывалось в первые годы формирования советской правовой науки. Проблема правоотношений привлекала внимание всех ведущих правоведов страны. Высказывается мнение, что это обуславливалось необходимостью строгого, как того требовал В.И. Ленин, соблюдения норм советских декретов и других нормативно-правовых актов (см [1, с.20–21]).

Представляется, однако, что на самом деле в этот период учение о правоотношениях было нацелено на обеспечение диктатуры пролетариата посредством «фактических правовых отношений», складывающихся под воздействием «революционного правосознания». Известные советские авторы 20–30-х годов XX столетия П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, Н.В. Крыленко, И. Разумовский выступали с обоснованием регулирующей роли правоотношений, а за правовыми нормами признавали лишь второстепенную роль в содержании права. Немаловажное значение в укреплении такой позиции сыграли и представления о бесперспективности права как совокупности правовых норм, о его неизбежном отмирании. Отсюда и суждения о правоотношениях как о главном и перспективном средстве воздействия на общественные отношения.

Е.Б. Пашуканис в качестве первичной клетки правовой материи рассматривал правоотношение, а не норму. По его замыслу, анализ правоотношения должен был раскрыть все содержание права подобно тому, как анализ товара дал возможность К. Марксу раскрыть основные закономерности товарно-денежного хозяйства и антагонистические противоречия капиталистического способа производства. Е.Б. Пашуканис утверждал: «Юридическое отношение – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим есть не более, как безжизненная абстракция» [4, с.111–112].

На основе этих суждений следовал вывод, что «в материальной действительности отношению принадлежит примат над нормой».

Определить право как систему общественных отношений, сложившихся в результате революционных преобразований и получивших самодовлеющее праворегулятивное значение, пытался П.И. Стучка. При этом регулирующая роль правоотношений рассматривалась во взаимодействии с другими частями правовой надстройки. Право же характеризовалось как единство трех видов (форм) – правоотношений, норм права и правовой идеологии. Однако примат при этом отдавался правоотношениям [5, с.9–17].

Н.В. Крыленко также неоднократно подчеркивал, что правоотношения, сложившиеся на основе производственных отношений, «имеют своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе экономического класса» [6, с.26]. В то же время он не исключал того, что правоотношения не всегда и не при всех условиях целиком и полностью идут параллельно с развитием экономических отношений.

Представления названных выше авторов о правоотношениях как о регулятивном структурном элементе права имели положительное значение в том смысле, что признавали за ними решающую роль в механизме правового регулирования. Впервые правоотношения рассматривались в качестве правового феномена, охватывающего собой материальное содержание (общественные отношения) и юридическую форму (средство регулятивного воздействия). Однако существенным недостатком рассматриваемой концепции была очевидная недооценка регулятивной значимости правовых норм и воплощаемой в них государственной воли, гиперболизации роли правоотношений, фактическое приращение им значения права. Вырванная из системы общественных отношений упомянутая выше «клеточка права» не раскрывала внутреннего единства и диалектических противоречий норм права и правовых отношений. Действительные же закономерности правового регулирования могли быть выявлены лишь при исследовании правоотношений не только как разновидности общественных отношений, но и как элементов сложившегося механизма воздействия правовых норм на общественные отношения. Недостаток концепции правоотношения как основного элемента права стал преодолевать в советской правовой науке только в 60–70-е годы.

Несмотря на то, что со второй половины 30-х годов проблемы содержания и назначения правоотношений фактически вышли из поля зрения правоведов, было бы неверным утверждать об утрате ими своей актуальности. Уже тогда отчетливо ощущались сомнения в том, что правоотношения являются главным, определяющим элементом права.

Одним из важнейших событий в развитии отечественной юриспруденции того времени стало Всесоюзное совещание по вопросам науки советского права и государства, состоявшееся в 1938 году. Его участники отказались от «вульгарно-материалистического» подхода к пониманию государства и права, характерного для 20-х годов, отклонив и трактовку советского права как права отмирающего. Особо было отмечено значение нормативного характера права, необходимого для социалистического строительства. На совещании прозвучало данное А.Я. Вышинским определение права как «совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса». Впоследствии А.Я. Вышинский еще более усилил классовую оценку сущности права, отметив, что социалистическое право необходимо «в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [7, с.83]. Такое определение подверглось критике, поскольку внимание в нем акцентировалось на призвании права регулировать не все существующие общественные отношения, а лишь «выгодные и угодные господствующему классу», отсутствовало указание на его материальную (базисную) обусловленность. Другим недостатком приведенного определения являлось обеспечение исполнения правовых предписаний исключительно при помощи принуждения. Все это, по мнению некоторых правоведов, открывало возможность для произвольных действий.

Наряду с отмеченными критическими оценками данного А.Я. Вышинским определения права подверглась критике и верная сама по себе его нормативная трактовка. В 50–60-х годах стали появляться высказывания, направленные на расширение нормативного понимания права, на включение в него наряду с нормами правоотношений и даже правосознания [8]. Такой подход к пониманию права означал возврат на позиции, занимаемые ранее П.И. Стучкой, который рассматривал право как единство трех его элементов – правоотношений, правовых норм и правосознания. Различие состояло только в том, что П.И. Стучка в обозначенной триаде безоговорочно отдавал приоритет правоотношениям, а названные авторы приоритетного значения правовых норм не исключали.

Поскольку включение в понятие права наряду с правовыми нормами также правоотношений и правосознания означало отождествление права со всей правовой надстройкой, такая устремленность была подвергнута довольно обоснованной критике. Обращалось внимание, в частности, на то, что правоотношение – не регулятор, а уже урегулированное правом отношение [9].

Нельзя не отметить, что широкая трактовка права некоторыми правоведом в 50-ые годы в значительной мере базировалась на критике нормативно-классового его определения, приведенного А.Я. Вышинским, и допускавшего его ис-

пользование для осуществления политических репрессий, грубого нарушения законности.

Неслучайно в это время в западной юриспруденции (особенно в странах общего права) стала активно распространяться социологическая (прагматическая) концепция права, в основе которой лежала широкая его трактовка. Рассматривая законодательство (совокупность правовых норм) как закостеневшую, «мертвую» систему, сторонники концепции признавали за правоприменительными органами также и правотворческую функцию. Тем самым обеспечивались интересы, прежде всего, господствующей в рыночной экономике и властвующей элиты. Широкая трактовка права не получила признания в странах континентальной Европы, поскольку она в принципе противоречила требованиям законности в сформировавшихся правовых государствах.

В связи с тем, что представления об относительности правоотношений к праву не имели под собой сколько-нибудь прочной методологической базы, в 70-ые годы была предпринята попытка такую базу сформировать. Правоотношения трактовались в качестве «индивидуальных моделей» поведения их участников (сторон). Суть идеи заключалась в том, что правовые нормы – это всеобщие (абстрактные) модели поведения субъектов права, а правоотношения, вследствие содержащихся в них субъективных прав и обязанностей, – индивидуальные модели поведения совершенно конкретных их участников. При этом само поведение сторон правоотношения исключалось из его структуры, так как относилось к реализации правоотношения. Содержанием правоотношения признавались только субъективные права и обязанности сторон. Таким образом, путем придания правоотношениям модельного содержания, хотя и индивидуализированного, обосновывалось их регулятивная значимость, а, следовательно, и включение в понятие права.

У такой трактовки правоотношений обнаружился серьезный изъян. Во-первых, получалось, что у правовых отношений между конкретными субъектами права отсутствовало их взаимное поведение. То есть субъективные права и обязанности не воплощались в конкретные деяния, и становилось непонятным, для чего устанавливаются такие отношения, в чем их смысл. Во-вторых, невозможно себе представить, как субъективные права и обязанности, представляющие собой совершенно определенные (точные) меры возможного и должного поведения, могут служить моделями. Ведь модель – это образец, схема, форма для серийного производства, поведения, подражания, но никак не конкретная и единственная возможность.

Субъективные права и обязанности носят эксклюзивный характер и предполагают соответствующее им поведение сторон, ради которого возникают правоотношения и без которого они утрачивают всякий смысл.

Концепция правоотношений как «индивидуализированной модели» поведения их участников, в которой не оказалось места для поведения сторон, не получила заметного признания. В теории права укоренилось мнение, что социальная ценность субъективных прав и обязанностей как элементов правового отношения заключается в придании поведению людей обусловленного ими характера. «Понимая правоотношения как реальные, жизненные отношения, нельзя из их содержания исключать поведение людей» [10, с.502].

Попытки придания правовым отношениям регулятивных признаков проявляются в других формах. Так, С.С. Алексеев, исходя из того, что любая правовая связь субъектов права – это правоотношение, которое является единственной формой реализации субъективных прав и обязанностей, и полагая, что степень индивидуализации субъектов правоотношений может быть различной, делит по этому признаку все правоотношения на три основные группы – на относительные, абсолютные и общерегулятивные. Относительные (или двусторонне индивидуализированные) правоотношения характеризуются точной («поименной») определенностью их субъектов по формуле «один к одному». Абсолютные (или односторонне индивидуализированные) правоотношения отличаются «поименной» определенностью лишь одной стороны – носителя субъективного права. В отношении их предлагается формула «один к каждому». В общерегулятивных правоотношениях субъектами прав и обязанностей признаются все лица, отвечающие установленным в законе признакам. Здесь предлагается формула «каждый к каждому» [11, с.187–188; 12, с.271–274].

В понятие общерегулятивных правоотношений стало вкладываться содержание общерегулятивного характера. «Общерегулятивные правоотношения, – писал С.С. Алексеев, – направлены на закрепление существующих общественных порядков» (см. [11, с.273]). Еще ранее он подчеркивал, что эти правоотношения не только образуют правовой статус личности, но и составляют его основу [13, с.146–147]. Обоснование такого рода правоотношений связывается, как правило, с критикой «узкоцивилистических» представлений о правоотношениях, которые якобы не соответствуют правовым формам реализации конституционных прав и свобод граждан. Такие формы (правоотношения) возникают непосредственно из норм Основного Закона, действуют постоянно, охватывая всех граждан страны и являясь основой для возникновения конкретно-отраслевых правоотношений.

Что же в действительности представляют собой не укладывающиеся в понятие относительных (двусторонне индивидуализированных) правоотношений так называемые общерегулятивные правоотношения? Если исходить из того, что они содержат общие для всех (и каждого) права и

обязанности, распространяясь на неопределенный круг лиц, выражают волю государства, определяют правовой статус субъектов, являются бессрочными, служат основой для возникновения конкретно-отраслевых (относительных) правоотношений, то следует признать их общенормативный (правовой) характер.

Несколько иначе обстоит дело с «абсолютными правоотношениями», в которых по замыслу их сторонников индивидуализирована только одна сторона. Конструкция такого правоотношения предполагает бессрочную обязанность каждого воздерживаться от нарушения субъективных прав определенного управомоченного лица (лиц). Эта конструкция допускает существование таких правовых отношений, в которых субъекты не только не находятся в непосредственной правовой связи между собой, но даже не предполагают о существовании друг друга. В качестве абсолютных правоотношений часто рассматриваются отношения между собственником и всеми другими лицами, между гражданином, обладающим правом на неприкосновенность, и всеми, кто может это право нарушить, и так далее.

Рассматривая конструкцию абсолютных правоотношений, нетрудно заметить, что речь идет фактически об абсолютных субъективных правах, которые реализуются субъектами права самостоятельно – вне правоотношений. Правоотношения возникают только в случае реализации лицом своего абсолютного субъективного права во взаимодействии с другими конкретными лицами (продажа, дарение, завещание вещи, нахо-

дящейся в собственности) или нарушения этого права (порча, кража и др.).

Что же в таком случае представляют собой так называемые абсолютные правовые отношения, субъективный состав которых характеризуется якобы неограниченным числом лиц, несущих обязанности? Это, вероятно, смешение нормативного положения с правоотношением ибо возложение обязанности на всех есть установление общего правила поведения, определяемого объективным правом.

Попытки конструирования «абсолютных» и «общерегулятивных» правоотношений и придания им праворегулятивного характера получили критическую оценку в работах таких известных правоведов как Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, М.С. Строгович, Л.С. Явич, В.Д. Сорокин, Ю.И. Гревцов и другие.

С учетом современных научных представлений о правовых отношениях может быть предложено следующее их определение: правовые отношения – это юридическая форма общественных отношений, представляющая собой возникающие на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств (юридических фактов) связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, реализуемыми в их поведении, и гарантируемых государством. Таким образом, правоотношение – это не нормативно-правовая категория, а важнейшая форма реализации правовых норм, посредством которой осуществляется регулятивное воздействие права на общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
2. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971.
3. Y. Radbruch. Rechtsphilosophie, Stuttgart. 1956.
4. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Изд. 2-е, М., 1926.
5. См. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и государстве. М., 1921.
6. Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. М., 1924.
7. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., Госиздат, 1949.
8. См. Пионтковский А.А. Некоторые вопросы общей теории государства и права // Советское государство и право, 1956, №1; Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право, 1957, №2; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 30–32; Миколенко Л.С. Право и формы его проявления // Советское государство и право, 1965, №7; Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 66–69.
9. См. Керимов Д.А., Недбайло П.Е., Самощенко И.С., Явич С.Л. К вопросу об определении понятия социалистического права // Правоведение, 1966, №2; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., Юридическая литература, 1970. С. 347–350.
10. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.
11. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1, Свердловск, 1972.
12. Матузов Н.И. Личность, права, демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Изд. Саратовского университета, 1972.
13. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М., 1966.

SUMMARY

The paper reflects the scientific concepts of legal relationships. The author concludes that the legal relationship is a very important form of legal norms implementation by means of which the regulative impact of the law is realized.